

В. В. НАПОЛЬСКИХ (Ижевск)

К ВОПРОСУ О ДИАЛЕКТНОЙ БАЗЕ УДМУРТСКОГО СЛОВНИКА Ф. И. ФОН ШТРАЛЕНБЕРГА

Самым ранним известным на сегодняшний день опубликованным источником по удмуртской лексике является словник Филиппа Иоганна Табберта фон Штраленберга¹ объемом в 29 слов, опубликованный в приложении «*Gentium boreo-orientali um vulgo tatarorum harmonia linguarum*» к его книге, вышедшей в свет в 1730 году (я использую факсимильное переиздание (Strahlenberg 1975)). Объем словника невелик, его значение для истории удмуртского языка в значительной мере определяется возможностью диалектной привязки материала. Поскольку сам Ф. И. фон Штраленберг не указывает, где он собирал удмуртские слова, у исследователей не было иного способа установить их происхождение, как сравнение со словами документированных удмуртских диалектов. Анализ словника содержится и в книге Т. И. Тепляшиной (1965), но ее работа, к сожалению, не свободна от ошибок (см. далее), а удмуртская диалектология к настоящему времени ушла далеко вперед (см. Кельмаков 1998), поэтому имеет смысл вернуться к анализу источника. Кроме того, выявлены и новые факты, касающиеся самого Ф. И. фон Штраленберга и возможных обстоятельств и методов его работы.

Говоря о методике анализа, нельзя обойти вопрос о том, отражают ли вообще записи Ф. И. фон Штраленберга один и тот же удмуртский диалект, или он имел возможность работать с информантами из разных диалектных ареалов. Во втором случае слова, им собранные, либо происходят из разных диалектов, либо имело место определенное обобщение, и слова представляют собой своего рода «усредненные» удмуртские формы, созданные собирателем, — в любом случае лексикографическая ценность источника при этом резко снижается, а диалектологическая интерпретация (учитывая малый объем словника) вообще теряет смысл. Поэтому я, как и Т. И. Тепляшина, предпочитаю а priori исходить из предположения о том, что в словнике Ф. И. фон Штраленберга отражен один диалект. Имеющиеся данные о возможном

¹ Учитывая немецкое происхождение Ф. И. Табберта и написание его дворянского имени (по крайней мере в титуле его книги) как *von Strahlenberg*, я предпочитаю транслитерировать это имя, исходя из немецкого прочтения.

месте и времени знакомства Ф. И. фон Штраленберга с удмуртским языком делают эту посылку достаточно обоснованной.

Ф. И. фон Штраленберг, будучи пленным офицером шведской армии, с лета 1711 года находился в ссылке в Тобольске, а с начала 1721 до конца 1722 года официально работал помощником первого исследователя Сибири Даниила Готтлиба Мессершмидта, сопровождал его в путешествии, вел дневник экспедиции, собирал и обрабатывал материалы (подробнее о биографии Ф. И. фон Штраленберга см. Новлянская 1966). По-видимому, именно общение с Д. Г. Мессершмидтом в значительной мере повлияло на развитие научных интересов Ф. И. фон Штраленберга, на многие идеи, вошедшие затем в его книгу. В частности, известное объединение финно-угорских народов в одну «гуннскую» группу (Strahlenberg 1975 : 32), которое считается первым опубликованным достаточно близким к современному определением состава финно-угорской (уральской) языковой семьи (Хайду 1985 : 345), имеется и в дневниках Д. Г. Мессершмидта (Messerschmidt, л. 354). Речь идет не только о сотрудничестве, но и о духовной близости и дружбе двух померанских немцев, практически земляков (Ф. И. фон Штраленберг родом из Штральзунда, Д. Г. Мессершмидт — из Данцига), встретившихся в далекой Сибири. Недаром и по прошествии нескольких лет после расставания в 1722 году на берегах Енисея они вспоминали друг о друге: Ф. И. фон Штраленберг — в предисловии к своей книге: «... da ich einen gewissen guten Freund, der in obgedachten abgelegenen Ländern noch länger als ich zugebracht, von einer Zeit zur andern aus solchen zurück erwartete, damit er dieses an meiner Stelle möchte auf sich nehmen, weil er als ein Gelehrter vermuthlich besser würde haben thun können» (Strahlenberg 1975)², Д. Г. Мессершмидт — на последних страницах своего дневника в декабре 1726 года: «Capit. Tabbert von Strahlenberg, mein geliebter Hertzensfreundt» (Messerschmidt, л. 370).

Общее происхождение Ф. И. фон Штраленберга и Д. Г. Мессершмидта из померанского диалектного ареала, общность интересов и совместная работа с носителями разных языков в Сибири не могли не привести к выработке у них близких методов фиксации языкового материала. Следовательно, в интерпретации удмуртских данных Ф. И. фон Штраленберга могут помочь записи удмуртских слов Д. Г. Мессершмидтом, который в декабре 1726 года, возвращаясь из Сибири, проехал по землям северных удмуртов вдоль р. Чепцы и составил словарь их языка, хранящийся в Санкт-Петербургском отделении Архива РАН (Messerschmidt, лл. 360об.—362об.) (подробнее о материалах Мессершмидта и истории их вторичного открытия см. Напольских 1998). Словарь Д. Г. Мессершмидта, во-первых, более объемный, чем список Ф. И. фон Штраленберга, и, во-вторых, происхождение его удмуртского языкового материала четко документировано (верхне- и среднечепецкий диалектные ареалы), что позволяет с большей надежностью установить системные принципы фиксации удмуртских слов. Естественно, нельзя быть уверенным в том, что принципы записи удмуртских слов у Д. Г. Мессершмидта и у Ф. И. фон Штраленберга

² В цитатах из работ Ф. И. фон Штраленберга и Д. Г. Мессершмидта сохранена орфография оригинала.

полностью совпадали, но использование материалов первого как дополнительного аргумента в трактовке записей второго по крайней мере в сложных случаях представляется вполне обоснованным.

Ниже все удмуртские слова из списка Ф. И. фон Штраленберга и предложенные для них Т. И. Тепляшиной реконструкции рассматриваются вновь с привлечением, в частности, данных Д. Г. Мессершмидта.

Аттк 'eins; один' ~ удм. лит. *odig*. Т. И. Тепляшина восстанавливала **odik* или (на основании сопоставления с коми *etik*) **otik* (1965 : 25). Второй вариант реконструкции достаточно гипотетичен, но не лишен оснований (в случае с *MADOR* Ф. И. фон Штраленберг передает удм. *d* как *D*, а в случаях с *WITT*, *KATT* его двойное *tt* соответствует удм. глухому *t'*). Однако он в лучшем случае может указывать на какой-то архаичный (?) удмуртский диалект, но ничего не говорит о том, был ли этот диалект южным или северным. Остается и возможность того, что в данном случае, как и в некоторых других (см., например, *MA*), Ф. И. фон Штраленберг уподобил удмуртское слово близкому по звучанию коми-пермяцкому (*Оттик* в его записи), на что дополнительно указывает написание не имеющего реальной базы двойного *tt* в обоих словах (о причинах уподобления см. ниже). Моя реконструкция: **odik*.

Кук 'zwei; два' ~ удм. лит. *kjk*. Т. И. Тепляшина справедливо восстанавливала **kjk* (1965 : 25). Поскольку в данном случае можно предполагать любую реализацию общеудм. *j* (*j*, *ʒ*, *ʔ*), следует признать, что облик данного слова не указывает на определенный удмуртский диалект.

Кун 'drei; три' ~ удм. лит. *kuin*. Т. И. Тепляшина восстанавливала **kuin*/**kuin* (1965 : 26). Такая реконструкция могла бы в принципе указывать на южный или периферийно-южный диалект, но проблема заключается в том, что она никоим образом не вытекает из материала: буква *u* используется Ф. И. фон Штраленбергом для передачи звука типа *j* (*Кук*), но не *u*/*ü* (ср. *Woe*, *Tous*, *Sui*), а что самое главное — удм. *ku-* в *КАТТ* 'шесть' ~ удм. *kuat'* также передается простым *K-* (систематическое *Ku-* у Ф. И. фон Штраленберга в коми-пермяцких словах *КУИМ* **kujim* 'три' и *КУАТТ* **kvat'* 'шесть' объясняется более сильной артикуляцией звуков *u* и *v* в данных пермяцких словах, чем *u* в сочетании *ku-* в удмуртском). Следовательно, более обоснованна реконструкция **kuin*, и такая форма отнюдь не указывает на южный диалект. В нижнечепецком диалекте удмуртского языка и спорадически в других говорах сегодня имеет место развитие **kuin* > *kuin* (Кельмаков 1998 : 84—85, 169—171). Форма **kuin* в отличие от **kuin* со «слабым» *u* должна была бы скорее быть передана Ф. И. фон Штраленбергом через *Ku-* (по аналогии с записью коми-пермяцких слов). Однако, по всей вероятности, развитие *ku-* < **ku-* в нижнечепецком произошло под влиянием фонетической системы русского языка, скорее всего довольно поздно и совсем не обязательно завершилось к началу XVIII века. Д. Г. Мессершмидт записал севернудмуртские (судя по всему — на территории позднейшего распространения среднечепецкого диалекта) числительные *QVYN* 'три' и *QVÂÂDT* 'шесть', поскольку в своих

латинских фрагментах он всегда писал латин. *q* с *v*, а удмуртские слова записаны тем же письмом, следует полагать, что он слышал скорее **kɥ*-, чем **kv*-. Эти соображения заставляют меня отказаться от предположения об исключении даже нижнечепецкого диалекта из числа возможных источников удмуртской лексики Ф. И. фон Штраленберга (см. также Катт).

NELL 'vier; четыре' ~ удм. лит. *ńil'*. Т. И. Тепляшина восстанавливала **ńǎl'/*ńel'* и справедливо приводила как наиболее фонетически близкие формы глазовского и бесермянского диалектов (*ńǎl'*) (1965 : 26). Звук типа северноудмуртского (среднечепецкого) *ǎ* (/ǎ/) по крайней мере в слабой (безударной) позиции передается через *e/ɛ/ä* также в удмуртском словаре Д. Г. Мессершмидта (Messerschmidt, л. 360об. pass.).

WITT 'fünf; пять' ~ удм. лит. *vit'*. Т. И. Тепляшина восстанавливала **vit'* (1965 : 26). Данная форма не указывает на какой-либо определенный удмуртский диалект.

КАТТ 'sechs; шесть'. Т. И. Тепляшина восстанавливала **kwat'* (1965 : 26), корректнее было бы **kɥat'*. Данная форма не указывает на какой-либо определенный удмуртский диалект. Если следовать логике Т. И. Тепляшиной (см. *KYN*), согласно которой передача Ф. И. фон Штраленбергом удм. **kɥ*- с помощью простого *K*- свидетельствует о завершившемся переходе **kɥiñ* > *küñ* в периферийно-южных удмуртских диалектах, надо было и в данном случае предполагать форму типа **kat'* — совершенно экзотическую для удмуртских диалектов. Таким образом, вывод однозначен: Ф. И. фон Штраленберг передавал удм. **kɥ*- простым *K*-.

ZSESEM 'sieben; семь' ~ удм. лит. *śiźjm*. Т. И. Тепляшина восстанавливала **śiźjm* (1965 : 26). Точнее было бы, наверное, **śǎźǎm* (об *e* как отражении удм. диал. *ǎ* ~ удм. лит. *ǎ* см. также *NELL*, *SSEMET*). Данная форма, однако, в любом случае не указывает на определенный удмуртский диалект.

SSEMET 'acht; восемь' ~ (!) удм. лит. *tamjs*. Т. И. Тепляшина совершенно справедливо видела в данном слове мар. *šǎmǎt*, марГ *šǎmǎt* 'семь', попавшее в список удмуртских слов по ошибке (1965 : 26). Это в принципе немаловажно для понимания качества словника Ф. И. фон Штраленберга. Обращает на себя внимание, кроме того, передача мар. *ǎ*, фонетически близкого удм. *ǎ* — диал. *ǎ*, через букву *e* (см. также *NELL*, *ZSESEM*).

ALNMANS 'neun; девять' ~ (!) удм. лит. *ukmjs*. Очевидно, ошибочная запись. Т. И. Тепляшина на основании сравнения с удм. *ukmjs* 'девять' нашла возможным видеть во второй половине данного слова компонент **-mjs* (1965 : 26). Осмелюсь предположить, что по крайней мере *LN* возникло в публикации вследствие неправильного прочтения рукописного *k* (см. также *TNÄI*).

DÄSS 'zehn; десять' ~ удм. лит. *das*. Т. И. Тепляшина справедливо восстанавливала **das* (1965 : 26). Слово практически не варьирует в удмуртских диалектах, рационально объяснить появление *ä* у Ф. И. фон Штраленберга невозможно (ср. также у него комиП *KÄRR* 'Stadt; город' (**kar*)), что вновь указывает на весьма низкое качество записей.

МАДОР 'Gott; бог' ~ удм. лит. (!) *inmar* 'бог'; ср. удм. *mudor* 'священный короб в удмуртской молебне-*куале*; икона'. Т. И. Тепляшина восстанавливала **m̄dor* (1965 : 26). По-видимому (если уж вообще пытаться более точно интерпретировать записи Ф. И. фон Штраленберга), в первом слоге (А в записи) действительно нужно предполагать скорее звук типа *ǎ*, чем *u* или *ü*, в связи с чем следует признать, что в данном случае перед нами скорее форма северноудмуртского диалекта: ср.-чеп. *m̄dor*, тылов. *m̄dor* (Тепляшина 1965 : 26), нежели южноудмуртского: елаб. *m̄dor*, малм.-урж. *mudor* (Wichmann 1987 : 164). По-видимому, аналогичные выводы необходимо сделать и в связи с семантикой: значения 'бог' данное слово ни в одном удмуртском диалекте не имеет (ср. северноудм. *m̄dor*, *m̄dor* 'икона', южноудм. *m̄dor*, *mudor* 'священный короб и место его хранения в языческой молебне-*куале*' (Тепляшина 1965 : 26; Wichmann 1987 : 164; Борисов 1991 : 185, 189)), подобная трактовка Ф. И. фон Штраленбергом скорее всего обязана ситуации диалога, когда спрашивающий о значении слов указывает на объект, название которого его интересует (ср. также *THÄI*, *PELE*, *PLEM*). Трудно себе представить, чтобы пленный шведский офицер, не имеющий представления о народной религии удмуртов, иллюстрируя вопрос о слове 'бог', указал бы информантам на ничем для него не примечательный священный короб *куалы* (куда он к тому же едва ли мог быть запросто допущен); с другой стороны, использование икон — изображений бога, находящихся прямо в доме, для иллюстрации данного вопроса выглядит вполне естественным. Значение же 'икона' удм. *mudor* имеет, кажется, только в северных диалектах (см. об этом ниже).

ГИРР 'Haupt, Kopf; голова' ~ удм. лит. *j̄j̄r*. Т. И. Тепляшина восстанавливала **d̄j̄r*, считая, что Ф. И. фон Штраленбергом зафиксирована форма (периферийно-)южных удмуртских диалектов (переход **j*- > *ǰ*-/*d'*-) (Тепляшина 1965 : 27). На чем основано данное предположение — непонятно: передача звука типа **ǰ*-/**d'*- Ф. И. фон Штраленбергом с помощью *с* сама по себе была бы, мягко говоря, странной — ср., хотя бы способы передачи *ǰ*- у Д. Г. Мессершмидта: *SHADSHEIK* 'гусь' (**ǰaǰek*), *Dshytschi* 'лиса' (**ǰj̄j̄j̄*), *Ssuytsch-murdt* 'русский' (**ǰuc murdt*), *Dsheedsch* 'добрый' (**ǰec*), *Dsöc* 'рожь' (**ǰeg*) (Messerschmidt, л. 360об.—362об.). С другой стороны, использование *с* для обозначения звука *ǰ* в позиции перед узкими гласными — старая и хорошо известная графическая традиция, прослеживаемая, например, в названии самоедов еще в источниках XIII в. (Плано Карпини: *SAMOGEDI*), и продолжающаяся у Ф. И. фон Штраленберга: наряду с *SAMOJEDEN* также *SAMOGEDI* и даже *SAMOGÄDISCHE SPRACHE* (Strahlenberg 1975 : 36, 69). Более того, Ф. И. фон Штраленберг вполне сознательно использовал возможность обозначения звука *ǰ* буквой *с* для своих этимологических построений: «Das güldene Weib, davon ich geredet habe, ist bey denen alten Finnen unter dem Nahmen *JUMALA* oder *GUMALA*, mit welchen Nahmen die Heutigen Finnen den wahren Gott benennen, verehret worden», а далее — продолжение начатой игры букв и звуков: «Wenn nun einige den Nahmen *JUMALA*, oder *GUMALA* mit denen Schwedischen Wörtern *GAMMAL* und *GUMMA*, das ist, alter Mann und alte Matrone, vergleichen wollen [---]» и т.д. (Strahlenberg 1975 : 104). Таким образом, данная реконструкция Т. И. Тепля-

шиной безусловно ошибочна, на самом деле Ф. И. фон Штраленберг записал слово, звучащее примерно как **jir* — практически форма литературного языка. Данное слово однозначно указывает на то, что записано оно не из тех удмуртских диалектов, где имел место переход **j-* > *ǰ-/d'*, то есть (если предполагать что этот переход к началу XVIII в. уже имел место) — не из периферийно-южных.

GIRSSU 'Haar; волосы' ~ удм. лит. *jirśi*. Т. И. Тепляшина восстанавливала **d'ǰrśǰ/*d'irśi/(?)*girśi* (1965 : 27). Реконструкция ошибочна (см. GIRR), следует реконструировать **ǰǰrśǰ*, диалектологические выводы те же, что и при GIRR.

SIN, SCHN 'Auge; глаз' ~ удм. лит. *śin*. Т. И. Тепляшина восстанавливала **śin/*śin* (1965 : 27). Оснований для реконструкции южно-удмуртской формы **śin* на самом деле нет никаких — сама Т. И. Тепляшина справедливо указывала, что «мягкость согласных Штраленбергом нигде не отмечается» (1965 : 26).

TILL 'Feuer; огонь' ~ удм. лит. *tjl*. Т. И. Тепляшина восстанавливала **tjl* (1965 : 27). Данная форма не указывает на какой-либо определенный удмуртский диалект.

WOE 'Wasser; вода' ~ удм. лит. *vu*. Т. И. Тепляшина восстанавливала **vü*, считая, что Ф. И. фон Штраленбергом зафиксирована форма периферийно-южных удмуртских диалектов *vü* (Тепляшина 1965 : 27; Wichmann 1987 : 326). Данная реконструкция, очевидно, ошибочна: предположение об использовании буквосочетания *oe* для обозначения звука типа *ö* и тем более *ü* в немецкой орфографии начала XVIII века является анахронизмом; для этой цели существовала и использовалась, в том числе и самим Ф. И. фон Штраленбергом, буква *ö* (см., например, *Klöt*) или (весьма редко) *œ*. На самом деле в данном случае Ф. И. фон Штраленберг передает звук *u*, используя принятое в нижненемецкой (сегодня — голландской) орфографии традиционное обозначение долгого *ū* — *oe* (возможность обозначения звука типа *u* через *oe* использовал и Д. Г. Мессершмидт: «U_D- oder O_{ED}-MURDEN», «U_D-MURD, qvibusdam O_D-MURD et O_{ED}-MURD» (Messerschmidt, лл. 360—360об.)). Таким образом, в данном случае следует реконструировать **vu* — форму, которая не указывает на какой-либо определенный удмуртский диалект.

MA 'Erde, Land; земля, страна' ~ удм. лит. *mi*. Т. И. Тепляшина восстанавливала **mi* и объясняла странное написание тем, что Ф. И. фон Штраленберг ошибочно перенес слово 'земля' из списка финских слов (ср. фин. *maa* 'земля'), допуская вместе с тем возможность существования в начале XVIII века удмуртского говора, в котором данное слово звучало как **ma* (Тепляшина 1965 : 27). Такое допущение крайне сомнительно: праф.-у. **a* (**ma_{ye}* 'земля' (UEW 263)) уже в пермском праязыке подверглось огублению и сужению (см. новейший обзор: Sammallahti 1988 : 524—531) и предполагать его сохранение в пермских языках можно лишь в отдельных исключительных случаях, к которым слово 'земля' явно не относится (*mi/mi* во всех коми и удмуртских диалектах). На самом деле слово, пользуясь современной терминологией, топоформант *MA*, сконструированный Ф. И. фон Штраленбергом из финского слова 'земля' и некоторых этниконов, играл очень важную роль в его исторической кон-

цепции: «Von [---] Wortlein MA: da von keinem alten AUTORE weder der Griechen ihre Massagethen, noch der Perser MAGORS, noch die Tarn MA-TSCHUDI, als in den allerältesten Zeiten zu EUROPA gehörige, beschreiben, und in den alten Mappen wie ursprüngliche darinne gesetzt werden; sondern ohne MA, nur Scythen, Geten und TSCHUDI, und zwar deßwegen genennet werden, weil in EUROPA weder IMAUS, noch TAURUS, CAUCASUS, noch auch die Riphäisch- und Rymnicische Gebürge jemals verleget worden; so erhellet dahero daß das Wörtlein MA nur die [o]rientalischen Scythen und Sgeten [sic! — B.H.] oder Schuten angehe, indem, wie gesagt, das Wörtlein MA bey den Europäischen Scythen zuzusetzen nicht nötig gewesen, weil allda in der ScythenLänder nicht solche hohe Scheidungs-Gebürge, wie in Asien, gefunden werden» (Strahlenberg 1975 : 41). Поэтому легкое видоизменение формы удмуртского слова (к тому же восстановленного по памяти — см. ниже) Ф. И. фон Штраленбергом совсем не удивительно. Точно так же и, видимо, по той же причине записал Ф. И. фон Штраленберг и комиП 'земля' (*tu* во всех коми диалектах) — MA. Аналогичное написание Ф. И. фон Штраленбергом первого компонента в слове MADOR, на которое обратила внимание Т. И. Тепляшина, здесь либо иррелевантно (см. выше объяснение -A- в MADOR как отражение диал. -ǰ-), либо указывает на то, что и Ф. И. фон Штраленберг осознавал этимологическую близость данных слов и записал A в MADOR по аналогии с MA (где A из сравнения с фин. *maa* и др.), или же наоборот — A в MA по аналогии с MADOR (где A из удм. диал. ǰ). Таким образом, данное слово в любом случае не указывает на конкретный (южный или северный) удмуртский диалект, равно как и не может служить основанием для постулирования особого архаичного диалекта удмуртских информантов Ф. И. фон Штраленберга.

TEEL 'Wind; ветер' ~ удм. лит. *tel*. Т. И. Тепляшина восстанавливала **tól* — форму, характерную для периферийно-южных удмуртских диалектов, на том основании, что «мы предполагаем, что заднерядный *ɛ* все же не передал бы автор буквами, обозначающими гласный звук переднего ряда» (1965 : 27). С данным тезисом нельзя согласиться, во-первых, потому, что удм. *ɛ* — отнюдь не «заднерядный», а неогубленный гласный среднего ряда среднего подъема (по крайней мере так он определяется абсолютно во всех грамматиках), во-вторых, потому что для передачи столь своеобразного звука в латинском алфавите и в его (нижне)немецких модификациях в любом случае нет подходящей буквы, а из всех имеющихся наиболее артикуляционно близкие звуки обозначаются, видимо, буквами *e*, *æ*, *ö* — но едва ли (как, по-видимому, полагала Т. И. Тепляшина) *o*: Ф. И. фон Штраленберг не мог не услышать разницы между удм. *ɛ* и *o* (в любом их диалектном варианте, кроме случая их совпадения в *o* в канлинском диалекте (Кельмаков 1998 : 60)) и должен был обозначить их разными буквами. Аналогичным образом (как правило, буквой *ö*) обозначал удм. *ɛ* Д. Г. Мессершмидт (в данном случае — именно «классический» северноудм. *ɛ*, а не соответствующий ему звук типа *ó* какого-то периферийно-южного диалекта, так как чепецкое происхождение материалов Д. Г. Мессершмидта четко документировано): *TöEL* 'ветер' ~ удм. *tel*, *KöSHY* 'горох' ~ удм. *kežj*, *TöDE* 'белый' ~ удм. *tedj* и др., Впрочем, и он порой колебался: *KYTH* 'живот' ~ удм. *ket*, *KöTSCH* 'заяц'

~ удм. (*hud*) *keć* (Messerschmidt, л. 360об.—362об.). Поскольку Ф. И. фон Штраленбергом использованы буквы *ee*, представляется очевидным, что в данном случае имел место неогубленный гласный — в отличие от огубленного периферийно-южного удм. *ó* (Кельмаков 1998 : 55). Таким образом, реконструкция **teł* выглядит более надежной, чем **tòł*, что свидетельствует о происхождении материалов Ф. И. фон Штраленберга из любого удмуртского диалекта, кроме тех периферийно-южных, в которых имеется фонема *ó*.

Soor 'Regen; дождь' ~ удм. лит. *zor*. Т. И. Тепляшина реконструировала **zor* (1965 : 28). Данная форма не указывает на определенный удмуртский диалект.

Kll 'Zunge; язык' ~ удм. лит. *kjl*. Т. И. Тепляшина реконструировала **kjl* (1965 : 28). Данная форма не указывает на определенный удмуртский диалект.

Tous 'Bart; борода' ~ удм. лит. *tuš*. Т. И. Тепляшина реконструировала **tuš* (1965 : 28). Данная форма не указывает на определенный удмуртский диалект за исключением того обстоятельства, что в елабужском (кукморском) и малмыжско-уржумском (шошминском) диалектах данное слово уже в начале XX века произносилось как *tuš* (Wichmann 1987 : 270), и фиксация Ф. И. фон Штраленбергом заднеязычного гласного, по-видимому, указывает на то, что эти диалекты следует исключить из числа возможных источников его удмуртского словника (см. также *TEEL*, *KIÖT*).

Им 'Mund; рот' ~ удм. лит. *jm*. Т. И. Тепляшина реконструировала **jm* (1965 : 28). Данная форма не указывает на определенный удмуртский диалект.

Birila 'Lippe; губа' ~ удм. лит. (!) *jmdur*. Т. И. Тепляшина реконструировала **birila/*birla* на основании сопоставления с удм. *birla* 'губа' и *jmbberla* 'губа; лошадиная губа' (1965 : 28). Первое слово встречается только в словаре Ф. Видемана, откуда оно попало в словарь Б. Мункачи (Munkácsi 1896 : 626), а далее кочует по филологическим работам и словарям почему-то с пометкой «диалектное». Поскольку словарь Ф. Видемана — не слишком качественный лексикографический источник, необходимо дополнительное подтверждение существования данного слова, во всяком случае установить его диалект-источник не представляется возможным. Видимо, единственной надежной параллелью здесь служит удм. *jmbberla* 'губы (внутренняя поверхность губ); брыла (пейоратив); морда, губы лошади', распространенное в удмуртских диалектах, в том числе и в северных (С. А. Максимов, личное сообщение). Оно представляет собой композиту с первым компонентом *jm* 'рот' и вторым — **berla*, который, вероятно, мог (может) существовать и как отдельное слово. Удм. **berla* является, видимо, контаминацией удм. *berlo* (пер.-ю. *berla*) 'позади, задний' (Борисов 1991 : 27) (ср. значение 'внутренняя поверхность губ') и заимствованного рус. *брыла* 'губа, особенно — верхняя; толстая губа; губа, морда у животных' (Даль 1978); приводимые тюркские этимологии для удм. *birla* (Алатырев 1988 : 182) совершенно неприемлемы. Такое происхождение этого слова, равно как и широкое распространение композиты *jmbberla*, не позволяют рассматривать его как индикатор для определения диалектной базы записей Ф. И. фон Штраленберга.

PELE 'Ohr; ухо' ~ удм. лит. *pel'*. Т. И. Тепляшина реконструировала **pele* 'мое ухо' (1965 : 28). Не исключено, что наличие суффикса принадлежности в данном слове еще раз указывает на ситуацию диалога, в ходе которого Ф. И. фон Штраленберг записывал удмуртские слова (см. *MADOR*, а также *THÄI*, *PLEM*).

SUI 'Arm; рука' ~ удм. лит. *suĵ*. Т.И. Тепляшина реконструировала **suĵ* (1965 : 28). Данная форма не указывает на определенный удмуртский диалект.

PINN 'Zahn; зуб' ~ удм. лит. *piñ*. Т. И. Тепляшина реконструировала **piñ* (1965 : 28). Данная форма не указывает на определенный удмуртский диалект.

KIÖT 'Bauch; живот' ~ удм. лит. *ket*. Т. И. Тепляшина реконструировала **köt*, считая, что Ф. И. фон Штраленберг зафиксировал форму какого-то периферийно-южного диалекта (Тепляшина 1965 : 28). Во-первых, как показано выше, само по себе использование немецкими исследователями буквы *ö* для передачи удм. *ĕ* вполне естественно и не предполагает непременно звука типа *ö* в удмуртском диалекте-источнике (см. *TEEL*). Во-вторых, по крайней мере в одном случае удмуртское слово, содержащее звук *ĕ* (*TEEL*), в записи Ф. И. фон Штраленберга содержит однозначно неогубленный гласный (т. е. **ĕ*, а не **ö*), следовательно, если только словарь Ф. И. фон Штраленберга отражает один диалект (предположение о нескольких базовых диалектах, как уже отмечалось, элиминирует диалектологическую ценность данного источника вообще), звук *ö* на месте общеудм. *ĕ* в диалекте удмуртских информантов Ф. И. фон Штраленберга отсутствовал. Таким образом, буква *ö* не служит указанием на особое качество удм. *ĕ* в диалекте-источнике. Некоторую проблему представляет *l*. Прежде всего следует заметить, что, если бы буква *ö* служила у Ф. И. фон Штраленберга для обозначения переднеязычного *ö* в удмуртских диалектных словах, использовать дополнительно и *l* не было бы необходимости. Однако, помимо предложенного Т. И. Тепляшиной объяснения (удм. **ö* = *lö*), которое вступает в противоречие с выводами, вытекающими из анализа слов *TEEL* и *Tous*, возможно и другое: по-видимому, качество удмуртских заднеязычных смычных до некоторой степени отличалось от качества соответствующих нижненемецких согласных (последние имеют более заднюю артикуляцию и сопровождаются придыханием), вследствие чего немецкие исследователи иногда обозначали это отличие дополнительно, усиливая палатальность гласного в записи; по крайней мере один аналогичный пример имеется у Д. Г. Мессершмидта: *GIÖNDOR* ~ удм. лит. *gondĵr* (скорее диал. **gondĵr*) 'медведь' (Messerschmidt, л. 361об.) — в данном случае ни один удмуртский диалект не дает иного гласного в первом слоге, кроме безусловно заднеязычного *o* (Wichmann 1987 : 60) (равно нельзя предполагать и переднеязычный на любой более ранней языковой стадии: ср. коми *gundĵr* 'дракон' < праперм. **gundĵr* < ср.-иран. **gundar* 'дракон' (Напольских 1997)). В случае с рассматриваемым словом нельзя совершенно исключать реконструкции удм. **köt* — формы, указывающей на периферийно-южный диалект (скорее всего — малмыжско-уржумский или (судя по некоторым формам, но не по месту сбора материала) елабужский, по Ю. Вихманну, или шошминский или кукморский, по

В. К. Кельмакову — Wichmann 1987 : 103; Кельмаков 1998 : 235), но более соответствующей всему комплексу фактов следует признать реконструкцию **ket*. Подобная альтернатива не позволяет сделать однозначных диалектологических выводов.

ТНĀI 'Hals; шея' ~ (!) удм. лит. *ćirtj*. Т. И. Тепляшина реконструировала (со знаком вопроса) **śi*, указывая на удм. (ниж.-чеп., глаз., малм., елаб.) *śil* 'шея; загривок; холка', *śil'ser* 'затылок' (1965 : 28—29; Wichmann 1987 : 235). Замечу, что слово **śi* 'шея', если бы действительно могло быть реконструировано, представляло бы собой суперархаичную (допермскую) форму (без *-l*): удм. *śil* ~ коми *śjli* < праперм. **śul* 'шея' < праф.-у. **śepä* 'шея, затылок' (КЭСК 271; UEW 473—474) (хотя, судя по хантыйским параллелям: вах. *säwəl* 'шея' и т.д., не менее вероятно реконструкция праф.-у. **śepälz* с суффиксацией уже на прафинно-угорском уровне, что делает реконструируемую Т. И. Тепляшиной форму удм. **śi* еще более архаичной и еще менее вероятной). Приводимое здесь же Т. И. Тепляшиной удм. *śikjč* 'собачий ошейник' означает обычно 'силоч (на птиц)' (УРС 389) (значение 'ошейник' зафиксировано только у Т. И. Тепляшиной, вероятно — *hapaχ*), представляет собой прозрачную композиту: *śi* 'волос' + *kjč* 'петля' и со значением 'шея' не связано. Дело, однако, состоит не в наличии или отсутствии принципиальной возможности реконструкции удм. диал. **śi* 'шея', а в том, что в любом случае никак нельзя согласиться с фантастическим предположением о передаче удм. *ś* с помощью *th*, а *i* — с помощью *äl*. Следовательно, нужно предполагать либо фиксацию неизвестного нам слова, либо ошибку в значении. В удмуртском словаре Д. Г. Мессершмидта имеется графически почти идентичное слово *THĒI* 'вошь' ~ удм. лит. *tej* (Messerschmidt, л. 361об.). Вероятно, и для слова *THĀI* у Ф. И. фон Штраленберга можно восстанавливать значение 'вошь'. Причиной ошибки, возможно, была опечатка (нем. 'Hals' вместо 'Laus' — ср. также *ALNMANS*; такая замена, впрочем, довольно сомнительна), либо — что кажется мне более вероятным — в ситуации диалога (см. *MADOR*, также *PELE*, *PLEM*), когда спрашивающий о значении слова указывал на шею, а информант обратил внимание на вшей, наличие каковых и у пленных шведских офицеров, и у крестьян-удмуртов вполне вероятно. Облик слова **tej* 'вошь' не указывает на определенный удмуртский диалект.

PLEM 'Himmel; небо' ~ удм. лит. (!) *in* 'небо'; ср. *pil'em* 'облако, туча'. Т. И. Тепляшина реконструировала **p'ilem*/**pil'em* (1965 : 29). Данная форма не указывает на определенный удмуртский диалект. Ошибка в значении слова объясняется ситуацией диалога (см. *MADOR*, также *PELE*, *THĀI*), когда спрашивающий о значении слова указывает на небо, а информатор обращает внимание на облака. Любопытно, что аналогичная ошибка имела место и у Д. Г. Мессершмидта: *WILLIN* 'небо' ~ удм. *vjlin* 'наверху' (Messerschmidt, л. 361).

Итак, из 29 слов списка Ф. И. фон Штраленберга одно может косвенно указывать на северный или срединный диалект (*MADOR* 'бог' ~ **mādor* 'икона'), четыре (*GIRR*, *GIRSSU*, *TOUS*, *TEEL*) с достаточной степенью надежности дают возможность исключить большинство периферийно-южных диалектов (отсутствие перехода *j > ź/d'* и звуков

i и *o*)³, и в одном случае (*Klöt*) не исключено происхождение слова из одного из периферийно-южных диалектов (**o* (?) на месте лит. *e*), что, однако, противоречит всему остальному материалу.

Кроме того, в целом следует отметить весьма низкое качество записи и большое количество очевидных ошибок. Это объясняется очень просто: в *harmonia linguarum* «мордовский язык и язык самоедов, живущих между Архангельском и рекой Печорой, представлены только 14 словами, языки вогулов, остяков (иргышских) и курилов — 16, чувашей — 17, вотяков — 20 и т.д. Эти пробелы, по словам Страленберга, получились вследствие утери им в 1723 г. по пути из Тобольска в Москву записной книжки, в которой были выписаны собранные им слова. Некоторые слова ему удалось потом найти в путевом дневнике и в других своих материалах, но восстановить полностью свою таблицу он не смог» (Новлянская 1966 : 75). Сам Ф. И. фон Штраленберг сообщает об этом на страницах своей книги: «Was nun das SPECIMEN der HARMONIAE LINGUARUM, welches diesem Tractat beygefüget worden, abgelaugget; so habe bereits in dem von mir Anno 1726. herausgegebenen PRODROMO erwehnet, was ich für eine FATALITÉ mit meinem MANUALI auf der Reise zwischen Sibirien und Muscau gehabt, und weil also unterschiedliche Wörter und NUMERI, die ich angezeichnet, verlohren gegangen, daß daher in der beygefügeten Tabelle hin und wieder in Columnen leere Plätze zu finden sind» (Strahlenberg 1975 : 56). Данное обстоятельство позволяет понять не только причины ошибок, но и появление у Ф. И. фон Штраленберга странных форм типа *Ma* 'земля' вместо **mi* — форм, которые не совсем соответствовали действительности, но зато хорошо вписывались в исторические построения Ф. И. фон Штраленберга.

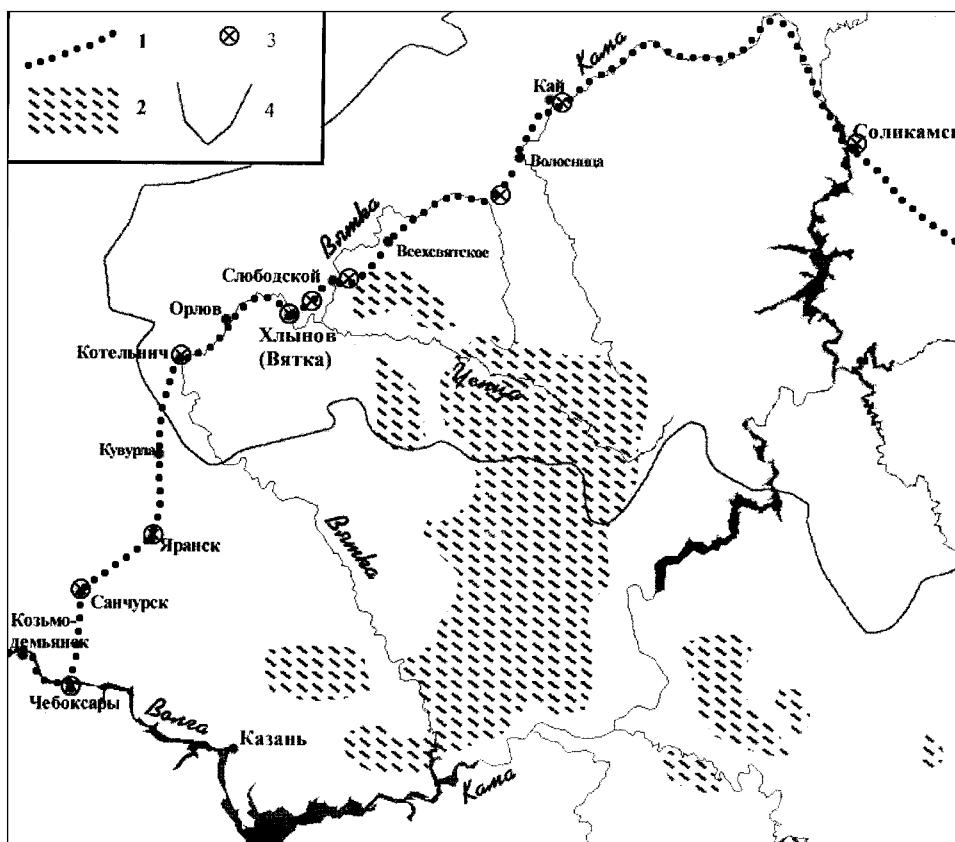
К этой же категории данных следует, видимо, отнести и то, что в *harmonia linguarum* Ф. И. фон Штраленберг вводит удмуртские слова заголовком: «*Wotiaki nennen sich selbst Ar, wohnen in Fürstentum Wiatka*» (на самом деле удмурты называют сами себя *udmurt*, а *ar* — это название удмуртов в татарском языке). Это, собственно, практически единственное релевантное упоминание о вотяках (удмуртах) у Ф. И. фон Штраленберга, кроме этого они фигурируют (наряду с другими финно-уграми) в знаменитом списке гуннских народов (Strahlenberg 1975 : 32); наряду с татарами и пермяками как жители Вятского

³ Естественно, эти выводы предусматривают, что фонетика удмуртских диалектов начала XVIII века не отличалась принципиально от той, что зафиксирована в начале и в конце XX века. Что касается перехода **j*- > *ǰ*-/*d*-, теоретическая возможность того, что во многих периферийно-южных удмуртских диалектах начала XVIII века он еще не произошел, существует. Звуки же *i* и *o* в этих диалектах рассматриваются в пермистике как архаичные, восходящие к аналогичным звукам пермского праязыка, следовательно, их существование в соответствующих удмуртских диалектах в начале XVIII века как будто не подлежит сомнению. Кроме того, если предполагать, что фонетика удмуртских диалектов была во времена Ф. И. фон Штраленберга совершенно иной, диалектологическая интерпретация его материалов становится в принципе невозможной: нельзя реконструировать одно неизвестное (фонетический строй диалекта) с помощью другого неизвестного (территориально недокументированных записей с неизвестной методикой фиксации звуков). В данной статье я пытаюсь показать, что предлагаемая диалектологическая интерпретация, основанная на указанной посылке, согласуется и с предположительной (на основании данных Д. Г. Мессершмидта) методикой фиксации языкового материала Ф. И. фон Штраленбергом, и с историко-биографическими данными (маршрут Ф. И. фон Штраленберга).

наместничества (Strahlenberg 1975 : 187); наряду с остяками, пермяками, зырянами и некоторыми другими народами, которые по Ф. И. фон Штраленбергу, выделяются рыжими волосами и голубыми глазами и являются потомками сарматов, древнейшими жителями Восточной Европы (Strahlenberg 1975 : 69, 165); и, наконец, в связанном с предыдущей гипотезой пассаже: «Daß aber auch diese OSTIACKEN mit zu denen allerersten Sarmatern und Cimbrern gehören, welche die ersten Einwohner Rußlands gewesen, und unter welchen sich ein Geschlecht findet, nemlich die WOTIACKEN, die sich selbst in ihrer Sprache ARR, und ihr Land ARIMA nennen, werde klärlich an seinem Orte zeigen. Denn wie PLINIUS l. 6. c. 18. bezeuget, so sind die Sarmaten zu erst ARAMAI genennt worden, welches letztere man mit Hornii Hist. phil. l. 4. p. 225. CONFERIREN kan; da wird man die genaue Einstimmung finden» (Strahlenberg 1975 : 76). Таким образом, интерпретация тат. *ar* как самоназвания удмуртов Ф. И. фон Штраленбергом объясняется не только ошибкой (ср. также в *harmonia linguarum*: «MORDUINI nennen sich selbst MORDUA» — русское название мордвы (мокши и эрзи), «PERMESKI nennen sich selbst COMI oder SUDAKI» — видимо, рус. *чудаки* — возможно, связано с *чудь*, как коми-пермяки называли своих предков-язычников), но и возможностью вписать этот этноним, а в особенности — образованный Ф. И. фон Штраленбергом из якобы удмуртских слов *Ar* 'удмурт' и *Ma* 'земля' топоним *ARIMA*, представляющий собой, таким образом, двойную фикцию, в свою историческую схему.

Вернемся, однако, к диалектной интерпретации удмуртского словника Ф. И. фон Штраленберга. Итак, чисто лингвистический анализ не позволяет однозначно соотнести его с определенным диалектом. Следует, по-видимому, обратиться к возможности установления места записи удмуртских слов Ф. И. фон Штраленбергом путем уточнения его маршрута. Обратный путь из Тобольска в Москву в декабре 1722 — январе 1723 года он проделал очень быстро (Новлянская 1966 : 43). Точный его путь нам неизвестен, можно лишь предполагать, что в целом он совпадал с маршрутом Д. Г. Мессершмидта, который также ехал зимой, но в 1726 году: через Соликамск в Вятку и по старому тракту через Котельнич, Яранск, Санчурск и Чебоксары на Москву. В этом случае Ф. И. фон Штраленберг мог встретиться только с северными (чепецкими) удмуртами. Отнесение его удмуртского словника к северноудмуртскому наречию несколько не противоречит результатам проделанного лингвистического анализа.

Однако то обстоятельство, что Ф. И. фон Штраленберг спешил домой и, следовательно, вряд ли имел время для сбора лингвистического материала, а главное — свидетельство его о том, что он потерял на пути в Москву свои записи и вынужден был восполнить списки слов по памяти и по дневниковым записям (причем речь идет о списках слов европейских народов — удмуртов, марийцев, мордвы и др., т.е. о языках, данные по которым можно было бы собрать на обратном пути), указывают скорее всего на то, что на обратном пути он сбором материалов не занимался, и, следовательно, удмуртские слова были им записаны в 1711 году, когда он двигался с колонной пленных шведов в Сибирь. Возникает вопрос: проходил ли их путь через территории расселения каких-либо удмуртских групп (и каких конк-

Пояснения к карте: 1 — путь колонны А. Пильстрёма; 2 — расселение удмуртов (максимальное, по данным источников и современному состоянию); 3 — места, где колонна А. Пильстрёма останавливалась более чем на один день; 4 — совокупная граница уездов, входивших, по Ф. И. фон Штраленбергу, в Вятское наместничество и Сибирскую губернию (Водарский 1977).

ретно) и имели ли пленные шведские офицеры время и возможности для сбора сведений о народах, проживающих по пути их следования?

В дневниках пленного шведского корнета Андерса Пильстрёма (Pihlström) имеются достаточно интересные описания образа жизни и обычаев ряда народов Поволжья и Сибири, сделанные им на пути в сибирскую ссылку. По прибытии в Тобольск он составил полный список своих товарищей, с указанием имен, званий, полков и колонн, в которые были объединены пленные. В той же «Хлыновской» колонне, вышедшей 6 июня 1711 года из Хлынова (Вятки) и прибывшей 26 августа 1711 года в Тобольск, к которой принадлежал сам А. Пильстрём, упомянут и капитан Сёндерманландского полка «Филипп Иог[анн] Табборт» (Philip Joh. Tabbort) (Pihlström 117) — имеется в виду, без сомнения, именно Ф. И. фон Штраленберг.

Путь колонны А. Пильстрёма восстанавливается по его дневнику (Pihlström 36—55) совершенно точно: Киев — Москва — Владимир — Нижний Новгород — Козьмодемьянск — Чебоксары — Санчурск — Яранск — Котельнич — Хлынов — Слободской — Кай — Соликамск — Верхотурье — Тобольск (см. карту). Более того, имеется воз-

возможность обозначить места более или менее длительных остановок в пути, где шведские пленные имели больше времени для контакта с местным населением. В возможности такого контакта сомневаться не приходится — несмотря на то, что пленные, конечно же, не благоденствовали, они пользовались в определенных рамках изрядной свободой: например, только на одной странице дневника А. Пильстрёма (июль—сентябрь 1711 года, в Чебоксарах) находим записи о найме русского старика в качестве слуги за три алтына в неделю, о прибытии [шведских] газет, полученных русскими в Выборге, о взятии одного из пленных офицеров под арест за интимную связь с русской попадью и об отправлении названной попадьи в монастырь, о свадьбе одного из шведов и о погребении другого и т.д. (Pihlström 42).

Соотношение пути колонны А. Пильстрёма с районами расселения удмуртов, как их можно представить себе для начала XVIII века (см. карту), позволяет сделать вывод о том, что непосредственный контакт идущих в этой колонне пленных с говорящим по-удмуртски населением мог иметь место только в районе Слободского. Следовательно, Ф. И. фон Штраленберг мог записать удмуртские слова только от нижнечепецких (слободских) удмуртов. Выводы лингвистического анализа его материалов, проделанного в данной статье, не противоречат этому предположению.

Естественно, остаются еще три возможности. Во-первых, возможность присутствия в начале XVIII века какого-то удмуртского населения далее к западу от территорий сегодняшнего расселения крайних юго-западных групп (шошминской и кукморской) — в окрестностях Санчурска или Яранска. Никакими сведениями о таких удмуртских группах мы сегодня не располагаем (особое место занимает здесь сообщение того же А. Пильстрёма (Pihlström 43—44), которое необходимо прокомментировать отдельно, однако уже сейчас можно с уверенностью сказать, что на самом деле оно свидетельствует именно об отсутствии удмуртов непосредственно на пути следования колонны между Чебоксарами и Слободским). Во-вторых, нельзя быть полностью уверенным в том, что Ф. И. фон Штраленберг (по крайней мере в пути до Хлынова) постоянно находился в той же колонне и следовал строго тем же путем, что и А. Пильстрём — хотя никаких фактов о том, что их пути расходились, у нас тоже нет. Наконец, остается еще, хотя и весьма сомнительная (см. выше), возможность того, что удмуртские слова Ф. И. фон Штраленберг записал во время возвращения из Сибири в Москву, точными сведениями о маршруте которого мы не располагаем.

Имеются, однако, свидетельства самого Ф. И. фон Штраленберга, позволяющие с полной уверенностью утверждать, что он имел дело никак не с южными группами удмуртов. В описании губерний России у него читаем (выделено нами): «Sibirische Gouvernement, wohin das W i a t k i s c h e F ü r s t e n t u m, der Solikamskisch- und Kongurische District, samt Ugoria und alle Länderen, so unter dem Nahmen von Siberien begriffen werden, gehören [---] Es sortiren darunter zugleich gar viele Völckerschafften, als die P e r m e c k i, W o t i a k i, und die K a r i n s k i s c h - M a h o m e t i s c h e T a t e r n, welches letztere ein klein Taterisch Geschlecht, so unweit der stadt Wiatka oder Klinow woh-

net, hernach die Wogulitzen [---]» К Сибирской губернии относятся города: «Tobolski, Permia Weliki oder Tzordin, Solikamskoi, Rog, Jeniseiski, Tara, Surghut, Iwskoje, Mangaseja, Kusnetzskoi, Narim, Jakutskoj, Crasnojahr, Ketskoi, Kaigorod, Wiatk a, Kotel nitz, Orlo w a, Sla b o d k a, Ilimski, Tumeen, Tomski, Gorodischei, Irkuhtskoi, Tarinskoi oder Japanzin, Werchoturie, Nerzinskoi, Pelim, Kungur, Eremsk» (Strahlenberg 1975 : 187). И, напротив, говоря о Казанской губернии: «Hierzu gehören erstlich die Casanische sogenannte Mahometische, und Kasim- oder kasimowische Tatern, hernach die Czeremissi Nagornaja; ferner ein Theil von den Czuwasschen, und den Ufinskischen Baschkiren». Основные же города Казанской губернии: «Casan, Jaerinski, Czantschurin, Kukarka, Malmisch, Urschum, Tsarewokoktschaiskoe, Koktschaga, Ziwilski, Sabaxar, Kusmademianski, Ufa, Birr, Karakul, Sarapul, Kurmisch, Arskoi, Menselinsk, Bulaarsk sonst auch Bilark» (Strahlenberg 1975 : 188) (см. карту).

Таким образом, не подлежит сомнению, что Ф. И. фон Штраленберг не имел представления об удмуртах, живших в Казанской губернии, для него вотяки — жители исключительно Вятского наместничества. Следовательно, его удмуртские лексические материалы (если к тому же принимать во внимание вероятные пути его следования в Сибирь — с колонной А. Пильстрёма, из Сибири — по тому же маршруту, что и Д. И. Мессершмидт) могли быть получены только от чепецких удмуртов, вероятнее всего — ниже- или по крайней мере среднечепецких: ведь не зря рядом с вотяками он называет каринских (чепецких) татар.

Принципиальное значение здесь приобретает еще одно обстоятельство: удм. *MADOR* 'бог' в записи Ф. И. фон Штраленберга предполагает, как было показано выше, реконструкцию значения *'икона' для удм. **mudor*/**mādor*. Это указывает скорее всего на то, что Ф. И. фон Штраленберг имел дело с крещеными удмуртами, каковых в начале XVIII века было еще немного даже на севере; П. Н. Луппов справедливо оценивает факты обращения чепецких вотяков в христианство до 20-х годов XVIII века как отдельные случаи, хотя первые такого рода случаи имели место еще в середине XVI века (Луппов 1999 : 71—72, 89—90). Дневники Д. Г. Мессершмидта показывают, что удмурты средней и верхней Чепцы были в конце 1726 года еще полностью некрещеными и относились к христианству достаточно враждебно (Messerschmidt, лл. 351—360, особенно 359—359об.), и предполагать, что они могли назвать христианскую икону тем же словом, каким обозначалась главная святыня их языческой религии, довольно сложно. Д. Г. Мессершмидт указывает и границу, западнее которой (вниз по Чепце) некрещеных удмуртов, по его сведениям, уже не было: «Umb 5¾ Uhr frühe passirete Shdwishenskoi-Monastirska-Karaul, 15. Neue Wörst von Kyringköy, auff rechtem Uffer des Zepza oder Çzepçza gelegen, und verließen hinmit die Heydnische[n] Ud- oder Oedmurden sonst Wuad-jachen von Russen genennt» (Messerschmidt, л. 360), эта граница примерно совпадает с современной границей Удмуртской республики и Кировской области. Следовательно, нижнечепецкие (слободские) удмурты по крайней мере в 1726 году уже были в зна-

чительной мере крешены, и именно в их языке удм. **mudor* могло обозначать икону.

Итак, сопоставление результатов диалектологического анализа и комплекса исторических и биографических фактов, связанных с обстоятельствами ее фиксации позволяют прийти к выводу о том, что в самом раннем опубликованном списке удмуртских слов, составленном Ф. И. Таббертом фон Штраленбергом, отражены данные нижнечепецкого диалектного ареала удмуртского языка начала XVIII века.

Сокращения

глаз. — глазовский диалект, по Ю. Вихманну; **елаб.** — елабужский диалект, по Ю. Вихманну; **малм.** — малмыжский диалект, по Ю. Вихманну; **малм.-урж.** — малмыжско-уржумский диалект, по Ю. Вихманну; **ниж.-чеп.** — нижнечепецкий диалект; **пер.-ю.** — периферийно-южный диалект; **ср.-чеп.** — среднечепецкий диалект; **тылов.** — тыловый (срединный) говор, по Т. И. Тепляшиной; **ср.-иран.** — среднеиранский.

Messerschmidt — D. G. Messerschmidt, Tagebuchaufzeichnungen. Dezember 1726 (Санкт-Петербургский филиал Архива РАН, ф. 98, оп. 1, д. 5); **УРС** — Удмуртско-русский словарь, Москва 1983; **Pihlström** — Anders Pihlströms dagbok 1708—1723, Stockholm 1903 (Historiska handlingar, d. 18, nr. 4).

ЛИТЕРАТУРА

- Борисов Т. К. 1991, Удмурт кыллюкам, Ижевск.
Водарский Я. Е. 1977, Население России в конце XVII — начале XVIII века, Москва.
Даль В. И. 1978, Толковый словарь живого великорусского языка, т. 1—4, Москва.
Кельмаков В. К. 1998, Краткий курс удмуртской диалектологии, Ижевск (Удмурт вераськетъёс 3).
Луппов П. Н. 1999, Христианство у вотяков со времени первых исторических известий о них до XIX века, Ижевск.
Напольских В. В. 1997, Происхождение названия 'медведя' / 'дракона' в пермских языках. — LU XXX, 27—31.
— 1998, Дважды забытый (Д. Г. Мессершмидт — первый исследователь удмуртского языка и культуры). — Арт. 4, Сыктывкар.
Новлянская М. Г. 1966, Филипп Иоганн Страленберг, Москва—Ленинград.
Тепляшина Т. И. 1965, Памятники удмуртской письменности XVIII века. (Выпуск первый), Москва.
Хайду П. 1985, Уральские языки и народы, Москва.
Munkácsi, B. 1896, A votják nyelv szótára, Budapest.
Sammallahti, P. 1988, Historical Phonology of the Uralic Languages with Special Reference to Samoyed, Ugric and Permic. — The Uralic Languages. Description, History and Foreign Influences, Leiden—New York—København—Köln.
Strahlenberg, Ph. J. von 1975, Das nord- und ostliche Theil von Europa und Asia. With an Introduction by J. R. Krueger, Szeged (Studia Uralo-Altaica 8).
Wichmann, Y. 1987, Wotjakischer Wortschatz, Helsinki (LSFU 21).

V. V. *NAPOLSKICH* (Iževsk)

**ZUR FRAGE DER DIALEKTALEN BASIS DER WOTJAKISCHEN
WORTSAMMLUNG PH. J. VON STRAHLENBERGS**

Gegenstand des vorliegenden Artikels ist eine Analyse der ersten im Druck erschienenen wotjakischen Wortsammlung mit Blick auf die aktuellsten Angaben der wotjakischen Dialektologie, die biografischen Materialien zu Ph. J. von Strahlenberg und die Tagebuchaufzeichnungen von D. G. Messerschmidt, die ein umfangreiches wotjakisches Wörterverzeichnis aus dem Gebiet am Fluss Čepca enthalten. Im Gegensatz zu den Schlussfolgerungen von T. I. Tepljašina wird gezeigt, dass es keinen Anlass gibt, die Wörter dieser Sammlung dem Südwotjakischen zuzuordnen. Die Route Ph. J. von Strahlenbergs mit der schwedischen Kriegsgefangenenkolonne nach Sibirien kann nach dem Tagebuch Anders Pihlströms, der derselben Kolonne angehörte, rekonstruiert werden. Damit lässt sich nachweisen, dass Ph. J. von Strahlenberg nur im Gebiet Vjatka und Slobodskoj Kontakte mit den Wotjaken gehabt haben konnte. Dazu kommt noch die Erwähnung Ph. J. von Strahlenbergs, wonach die Wotjaken Einwohner des Fürstentums Vjatka und nicht des Gouvernements Kasan seien. Alle Tatsachen und die darauf beruhende Analyse führen zum Schluss, dass die wotjakischen Materialien Ph. J. von Strahlenbergs von den Nordwotjaken aus dem Gebiet an der unteren Čepca stammen müssen.